

Зинаида Гиппиус родилась 8(20) ноября 1869 года в заштатном городе Белеве Тульской губернии. Отец — выходец из старинной немецкой колонии в Москве. Примечательно, что один из его предков в 1534 году открыл в Немецкой слободе первый книжный магазин — вот откуда тянутся книжные истоки Зинаиды Николаевны (в дальнейшем для краткости будем использовать ее инициалы — З.Н.). Мать будущей поэтессы — Степана Успенского, родом из Сибири, дочь уездного полицеймейстера.

Детство Зинаиды прошло на Украине, в бело-сиреневом Нежине. Одно время семья Гиппиусов жила в Москве, и Зинаида училась в классической гимназии Фишера на Остоженке. Затем у нее обнаружился туберкулез, и пришлось всем перебраться в Крым. Новое место жительства — Тифлис. Природа Кавказа, его свободный дух благотворно повлияли на З.Н. Летом в Боржоме, где отдыхали Гиппиусы, молодежь была без ума от высокой, статной девушки с золотистыми волосами и изумрудными глазами. В ту пору Зинаида любила танцевать, увлекалась музыкой, живописью и особенно верховой ездой. И, конечно, сочинительством: вела дневник, писала стихи.

Там, в Боржоме, она встретила с Дмитрием Мережковским, серьезным молодым человеком с широкими энциклопедическими знаниями, который умел говорить “интересно — об интересном”. Ступая полугода, 8 января 1889 года, в церкви Михаила Архангела в Тифлисе произошло венчание. Зинаиде Гиппиус — 19, Мережковскому — 23 года. Обряд был коротким и аскетичным. “Как не похоже было это венчание на толстовское, которое он описал в “Ане Карениной” — свадьба Китти!” — отмечает в своих воспоминаниях З.Н.

А дальше все более разительные отличия от толстовских персонажей. В первый же брачный день молодожены продолжили превращение в слушателей, затем Мережковский ушел к себе в гостиницу, а Зинаида легла спать и “забыла, что замужем”.

Утром мама крикнула через дверь: “Ты еще спишь, а уж муж пришел. Вставай!” “Муж? Какое удивление!” — пишет З.Н., вспоминая то далекое и ушедшее время.

Вот так странно начинался их брак-союз-товарищество. Началась семейная, а точнее, литературно-семейная жизнь, ибо главным было не жить гнездышко и не заводить деток по мещанскому образцу. В воспоминаниях Елены Данько приведены слова Федора Сологуба. Когда разговор зашел о детях, мастыльный поэт заметил: “Вот, например, Мережковский и Гиппиус — они сознательно говорили, что им детей не надо — они были сами в себе — во всей полноте”.

Трудно представить Зинаиду Гиппиус в качестве матери, ослепленной детьми: тогда, очевидно, не было бы Гиппиус — “дамы с лорнетом”, хозяйки литературного салона на углу Литейного и Пантелеймоновской, известного как “Дом Мурузи”. Квартира была на пятом этаже. Кто в ней только не побывал! Не квартира, а оазис интеллигентности.

Мережковский способствовал появлению первой публикации Гиппиус — стихов, написанных под влиянием Надсона. Затем постепенно З.Н. обрела свой собственный голос, и уже нельзя было этот голос ни с кем спутать. Стихи Гиппиус отличались внутренней борьбой, некоторым демонизмом и холодно-страстной сдержанностью.

... И за правду мою не боюсь никогда, Ибо верю в хотенье, И греха не боюсь, ни обид, ни труда... Для греха — есть прощенье...

Миллионы пар существовали и существуют на свете, но эта была одна из уникальных. По признанию З.Н., она прожила с Мережковским “52 года, не различая со дня свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день”.

Что это было? Любовь? Творческий союз? Духовная общность? Очевидно, первое, второе, третье и еще многое другое. В книге “Мережковский” З.Н. написала просто: “Связанность наших жизней”.

А теперь обратимся к свидетельствам со стороны. Свояченица Валерия Брюсова Бронислава Погорелова вспоминает: “Странное впечатление производила эта пара: внешне они поразительно не подходили друг к другу. Он — маленького роста, с узкой впалой грудью, в дотошном сортуке. Черные, глубоко посаженные глаза горели тревожным огнем библейского пророка. Это сходство подчеркивалось полуседой, вольно растущей бородой и тем легким взвизгиванием, с которым переливались слова, когда Д.С. раздражался...”

А рядом с ним — Зинаида Николаевна Гиппиус. Соблазнительная, нарядная, ослепленная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы. Но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные темно-золотистые волосы спадали на нежно-белый лоб и оттеняли глубину удлинённых глаз, в которых светился внимательный ум...

От людей, близко стоявших к Мережковским, не раз приходилось слышать, что заботами о семейном благоденствии (т.е. об авансах и гонорах) ведала почти исключительно З.Н. и что в этой области ею достигались невероятные успехи”.

Многие современники отмечали то, как необычно слаженно действовал семейный дуэт Мережковских в литературных кругах. Мережковский работал под “юродивого”, изрекая эпатирующие истины, а Гиппиус — под “ведьму”, прельщая и околдовывая.

“О Мережковских ходило много странных разговоров, — читаем мы далее у Брониславы Погореловой. — В особенности о Гиппиус. З.Н. действительно обладала какими-то душевными и, главное, физическими свойствами, делавшими ее непохожей на своих современниц, и все поэты соглашались с тем, что Вл. Соловьев имел в виду З.Н., когда написал известную сатиру, начинающуюся так:

Я — молодая сатиресса, Я — бес. Я вся живу для интереса Телес. Таю под юбку колтыга И хвост... Посмотри кто на них сердито — Прохвост!”

Демоническое, взрывное начало Зинаиды Николаевны поражаело и привлекало, особенно мужчин. Но прежде всего притягивала красота “Зинаиды Прекрасной”, как называл ее Брюсов.

Троебратие

И все же кто она, Зинаида Гиппиус? “Дьяволица” (Ольга Соловьева, дочь историка Сергея Соловьева, утверждала, что “Гиппиус — дьявол”? Или “девочка”, “сестра”? А еще ее называли “Сатанессой”, “Сильфидой”.

Просто З.Н. была разная и принимала различные облики в зависимости от лица и ситуации. С женщинами, как правило, надменная и презрительная. С мужчинами — женственная и кокетливая, во всей красе “амуретной игры”, как выразился Аким Волынский. Но опять же не со всеми представителями сильного пола, а лишь с теми, кого она хотела покорить, завлечь в свои сети.

Одним из таких мужчин был “Дима” — Дмитрий Философов (1872 — 1940), литературный критик и публицист.

Чтобы не впасть в тему философских и религиозных исканий четы Мережковских (это тема особая), отметим, что Мережковский и Гиппиус усиленно разрабатывали идею “тройственного устройства мира”, Царства Третьего Завета, которые должны прийти на смену историческому христианству, а на уровне более практической житейской старались создать небольшую духовную общину, то есть слепили некий круг единомышленников, в котором бы сочеталась темная интимная связь ее членов и близкая литературная ориентация. Создать своеобразную интеллектуальную мини-коммуна. Она была создана и получила название “тройственного союза”: Мережковский — Гиппиус — Философов.

Образование этой триады, или, как ее звали, “святой троицы”, было некоторым вызовом обществу. С духовной общностью люди примирялись легко, но вот с совместным проживанием троих — это уже был откровенный скандал.

Троебратство — это самая полновесная в квесте обывательских пресудов. Что было на самом деле, восстановить уже никто не может. Но вот примечательный отрывок из письма Философова к З.Н. от 7 апреля 1898 года: “Я с вами всегда был дружен, но влюблен в Вас никогда не был (не сердитесь!) и никогда в мои отношения к Вам не вкрадывалась нотка чувственности. Не знаю, как с Вашей стороны...”

Известно, что любящая женщина, а тут всепоглощающая красавица, не терпит равнодушия со стороны мужчины. По всей вероятности, это раздражало З.Н., и она, очевидно, использовала кое-какие женские чары для окончательного завоевания Дмитрия Философова. Характерное признание он обрел своей близкой родственнице в письме от 7 марта 1902 года: “С Мережковскими я просто не знаю, как быть, тем более, что, увы, и у меня теперь начинают быть сильные подозрения, что З.Н. была протестом в меня влюблена”.

Возможно-возможно. По крайней мере Философов чисто внешне был более притягателен, чем Мережковский: безукоризненно бритый, при маленьких усиках, светился пробором прилизанных русых волос, так его предвещают в воспоминаниях Андрей Белый. Так был ли между Гиппиус и Философовым секс? — напрямую спросит современный читатель, не терпящий приближенных определений. Американский профессор Саймон Карлинский, большой специалист по темам свободной любви, утверждает, что Философов был голубым, “и в общем, ничем между ними не вышло”.

Любой союз недолговечен, пришел конец и “святой троице”. Александр Амфиатов в письме к Борису Савинову от 22 марта 1924 года выразил удовлетворение, что Философов “отделил свою

Существует мужской шовинизм. Эдакое превосходство сильного пола над слабым. Мнение мужчин-шовинистов о женщине точнее всех сформулировал Оскар Уайльд: “декоративный пол”. Мол, красота без интеллекта, и ничего более. И многие мужчины в это упорно верят. Но когда красота соединяется с умом в какой-нибудь женщине, то это производит ошеломляющий эффект. Именно такой шок испытывали те, кто знакомился с Зинаидой Николаевной Гиппиус, поэтессой, литературным критиком и прозаиком Серебряного века.

Загадка Зинаиды Гиппиус

Зинаида Гиппиус и Дмитрий Философов. 1913 г.

Аким Волынский.

Дмитрий Мережковский.

гуповину от лона Зинаиды и Дмитрия”, и что это “огромный шанс в его пользу”.

“Я вся от вас завишу”

И все же была ли в жизни Зинаиды Гиппиус настоящая женская любовь, с горячими признаниями, клятвами, поцелуями и слезами? А не “комедия любви”, которую она частично разыгрывала? Под категорию “любовь” с некоторыми натяжками подходит ее роман с Акимом Волынским (1861 — 1926). Его настоящее имя — Хаим Флексер. Он был ведущим автором журнала “Северный вестник”. Их встречи и обмен письмами продолжались в течение многих лет и вылились в нештучный любовный, человеческий и литературный конфликт, все сплелось разом.

Приведем несколько отрывков из писем З.Н. Акиме Волынскому. 15 января 1894 года. Кронштадт.

“И без тебя я не умею жить... Мы отдали друг другу слишком много. И я прошу как милости у Бога, Чтоб научил он сердце не любить! Но как порой любовь ни проклинаю, — И жизнь, и смерть с тобою разделю. Не знаешь ты, как я тебя люблю, Быть может — я сама еще не знаю...”

1 марта 1895 года. “... Вы мне необходимы, вы — часть меня, от вас я вся завишу, каждый кусочек моего тела и вся моя душа. Я говорю полную правду...”

Еще одно письмо от этого же дня, 1 марта: “... Честное слово, у меня внутри что-то рвется, когда вам так несправедливо печально. Ведь люблю, люблю вас, неужели это мало? Неужели за это нельзя быть около меня, не покидать меня на три дня, не мучить так Зину, вашу Зину, совсем васу”.

Аким Волынский не выдержал испытания. В своих поздних мемуарах Зинаида Гиппиус пишет о нем: “Это был маленький еврей, остроносый и бритый, с длинными складками на щеках, говоривший с сильным акцентом и очень самоуверенный”.

Словом, финал очередной “комедии любви”.

А были ли увлечения у Мережковского? Этот книжный, “кабинетный” человек менее всего походил на пылкого соблазнитель и любителя романтических приключений, в основном он был погружен в мир отвлеченных идей. Но даже такой человек однажды летом 1916 года в Кисловодске услышал “небесный звук влюбленности”. Звук этот шел от молодой барышни Ольги Костецкой. Увлечение было коротким, но воплотительным. Мережковский ждал свидания, засыпал Костецкую письмами, но она была непреклонна. Так

что Ольга Леонидовна так и не стала соперницей Зинаиды Николаевны, а было бы весьма любопытно, как бы повела себя З.Н. в ситуации страстной, взаимной любви Мережковского? Хотя... может быть, все обошлось бы лишь излобленным лорнированием — разглядыванием соперницы.

Нет, от стороны мужа ничто не колебало налаженное бытие Гиппиус. Ее увлечения — это ее увлечения: А за Дмитрия Сергеевича она была абсолютно спокойна: надежен, как скала. Более того, как утверждал Андрей Белый, она видела Мережковского “на розовой ленточке”.

Была ли она женщиной?

В молодые и средние годы Зинаида Гиппиус увлекалась и мистикой “пола”, и “метафизической любовью”, и все же до конца не проснен вопрос о ее “женском начале”. Современники отмечали в ней и демоническое, и божеское, но когда доходило до чисто женского начала, то тут все вступали в область туманных загадок.

Кто-то мистифицирует, кто З.Н. — гермафродит. Вероятно, само поведение З.Н., нередко экстравагантное и эпатирующее, давало повод для самых различных оценок. В этой связи привлекает внимание мемуары Сергея Каблукова, секретаря петербургского Религиозно-философского общества:

“Надо записать еще то, что рассказывал Вяч. Из(анов) о З.Н. Мережковской. Оказывается, что она страдает чехоткой, развивающейся очень медленно. Она знает это и живет след (оательно) в постоянном ожидании смерти. Во-вторых, она — по видимости (законная) жена Д.С., на самом деле — девушка, ибо никогда не могла отдать мужчине, как бы ни любила его. В ее жизни были любовные увлечения, напр., известным Флексером (А.И. Волынским), с которыми она одно время даже жила вместе в Пале-Рояле (гостиница в Петербурге — Ю.Б.), но эти увлечения не доходили до “падения”. И в этом для нее — драма, ибо она женщина нежная и страстная, мать по призванию... С Мережковским ее союз — чисто духовный теперь, как и с Дм. Философовым. Все трое они живут, как аскеты, и все намеки на menage en trois (брак втроем — Ю.Б.) — гнусная выдумка... Я спросил Иванова, не имеет ли себе совмещение в лесбосских склонностях это отвращение Зин. Ник. к мужским ласкам. Он ответил незнакомым, хотя признался, что так же думает и сам. Но прибавил, что теперь к этим аномалиям она относится с отвращением, весьма ригористично. Мистического опыта в ней несравненно более, чем у ее мужа” (записи от 5 июня 1909 г.).

Мнение Вячеслава Иванова, глубокого человека и прекрасного поэта Серебряного века, игнорировать нельзя. К нему напрашивалась поддержка так называемых “распоясанных писем” Василия Розанова, хранящихся в Губерновском институте (ГСИ).

“Милая Зиночка, — обращается к Гиппиус во второй половине 1907 года ее старый знакомый писатель и философ Розанов, — пишу тебе как товарищу-мальчику... Хотя ты и мальчишка, но уже одно то, что ходишь в юбке — соблазняет “еще поблудить языком”, т.е. “слогом” ...гм...гм... Удивительно, что особенного в юбках. Пыль, складки... Казалось бы, чепуха: но

... какую — ножка Терпиковы Мне больше все-таки мила, —

чем кауфюра, “глубокие глаза” и проч(ая) чепуха. Да, великая тайна, великая загадка...”

Далее в письме: “Поцелуй и Митю и Диму (Митя — это Мережковский, Дима — это Философов — Ю.Б.). С укусом? Нет, “похристианский”, чуть-чуть губки... Всех я в вас 3-х люблю, за то, что вы свободные люди. Ничего нет лучше свободы, ничего нет счастливее свободы, ничего нет благороднее свободы. И все потому, что в ней одной может вырасти безграничная индивидуальность...”

В другом письме (зима 1908 года) Розанов в присутствии ему распоясано-игриво стили спрашивает З.Н.: “Ну, как поживают твои сосочки? Как груди? Какая тоска, если их никто не ласкает...”

Умирать или уезжать

“Сосочки”, “груди” — это лишь интимные детали частной жизни З.Н. В своей литературно-критической деятельности Зинаида Гиппиус — это уже целая глыба. В своих работах и изысканиях она предстает перед современниками как серьезный вдумчивый аналитик социально-экономических процессов, притягивая культурной утонченностью, парадоксальностью мышления, необыкновенной энергией. Она выдвигает идеи обновления жизни. С помощью искусства предполагает сбросить отжившие исторические формы — общественных, бытовых, семейных, половых отношений — всю эту “смерть в жизни”. После 1905 года она отставала идеями религиозной революции перед “стадной общественностью”. В письме Философову от 17 октября 1905 года “реально представляла грядущее называвшееся правительством и народный террор и кровь...” И высказала свою позицию: “Ни шагу на это не могу”.

Февральскую революцию 1917 года и последующие за ней перемены Гиппиус встретила если не с ликованием, то с большими надеждами. Презирая старый мир, она уповала на революционно-террорское, религиозное обновление миропорядка. Но вскоре ее надежды рухнули (как отлетела она в своем дневнике, “немилосердна эта тяжесть “свободы”, навалившаяся на вчерашних рабов”). Октябрьская революция явила ей совсем иной лик.

Страшно, грубое, липкое, грязное, Жестоко-тупое, всегда безобразное, Медленно-рвущее, мелко-нечестное, Скользкое, стидное, низкое, тесное... Рабское, хамское, гнилое, черное, Изредка серое, в сером упорное... Тупо-холодное, жалко-ничтожное, Непереносное, ложное, ложное...

Зинаида Гиппиус определила Октябрьскую революцию как “блудливое”, “неуважение к святыням”, как “разбой”. В адрес большевиков она писала:

Рабы, лгуны, убийцы, тати ли — Мне ненавистен всякий грех. Но вас, Иуды, вас, предатели, Я ненавижу больше всех.

Свое отношение к новой власти Зинаида Гиппиус выразила афористично: “Против большевиков хоть с чертом”. В ноябре 1917 года Зинаиде Николаевне исполнилось 48 лет. Неожиданно оборвалась прежняя прелестная жизнь с молодостью, красотой, с достатком и комфортом. Вся эта бурлящая литературная жизнь со спорами и поисками Истины, Добра и новой Гармонии. Все разом рухнуло, кануло, исчезло. Вместо всего прежнего — мучительное выживание, страх попасть в подвалы ЧК, голод и холод.

Как сколько улицы отвратные, Какая стыдь! Как в эти дни невероятные Позорно жить! Ложим, заплеваны и связаны, По всем углам. Плевки матросские размазаны У нас по лбам.

Один из вождей революции Лев Троцкий в статье “Вне-октябрьская литература” разнес в пух и прах сборник Гиппиус “Последние стихи. 1914 — 18 г.”, а саму поэтессу назвал “литерской барыней”, у которой “под декадентски-мистически-эротически-христианской оболочкой скрывается натуральная собственническая ведьма”. И сделал вывод, что у “почти классиков” — Бунина, Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Зайцева, Замiatина и прочих нет будущего, что все они — “приживальщики и содержанцы” у советской власти.

В последнее время в печати широко публиковались петербургские дневники 1917 — 1918 годов, так называемые “черные тетради” Зинаиды Гиппиус. Конечно, это совсем иная тема, но без нее нет полного образа З.Н.

Приведем лишь самую малость из этого кричащего, бьющегося в конвульсиях документа эпохи:

24 октября 1917 года: “... многие хотят бороться с большевиками, но никто не хочет защищать Керенского. И пустое место — Вр. правительство... На Не вском стрельба... готовится “социальный переворот”, самый темный и, idiotичный и грязный, какой только будет в истории. И ждать его нужно с часу на час...”

28 октября: “Толкыч” четвертый день мы “под властью тьмы”, а точно годы проходят... В городе полуокопавшиеся в домовых комитетах обыватели — да погр юмщики... Вечером шлялась во тьме лишь вооруженная сволочь и ма пчички с винтовками...”

З.Н. не могла простить Брюсову и особенно Александру Блоку то, что они пошли на службу к большевикам. Вот как она описывает разрыв с Блоком в воспоминаниях “Мой лунный друг” (а ведь они дружили!):

“Здравствуйте. Этот голос ни с чем не см.зашесть. Поднимаю глаза. Блок. Лицо под фуражкой какой-то (именн? фуражка была — не шляпа), длинное, сохлое, желтое, темное.

— Поддадите ли вы мне руку? Я протягиваю ему руку и гово юю: — Лично — да. Только лично. Не общественно. Он целует руку. И, помолчав: — Благодарю вас.

Еще помолчав: — Вы, говорят, уезжаете? — Что ж... Тут или умирать — ил и уезжать. Если, конечно, не быть в вашем положении...”

Вот так они, Зинаида Гиппиус и Александр Блок, увиделись в последний раз.

“Чашу пить — до дна”

В стихотворении “Женщина, безумная г орджанка!”, посвященном Гиппиус, Блок писал:

Страшно, сладко, неизбежно, надо Мне — бросаться в многоопытный вал, Вам — зеленоглазую няядю! Петь, плескаться у ирландских скал.

В эмигрантском изгнании (добровольном, но в вынужденном) сначала была Польша. “Бобруйск” — маленький уездный городок был нашим первым польским этапом”, — читаем мы в воспоминаниях З.Н. “Тут мы были — нищие. Несколько тысяч, сна, зенных и сохранившихся в подкладке чемодана, старое платье, два чое белье, черная тетрадка моего дневника последних месяцев — вот все, что у нас было”.

В Варшаве Мережковские развили бурную деятельность, организовали газету, участвовали в замыслах по освобождению России от большевиков. Как известно, все подобные проекты и потерпели крах, и Мережковские уехали в Париж, где у них еще с хранилась квартира с довоенных времен. “Они отперли дверь своим ключом, — пишет Нина Берберова, — и нашли все на мес те: книги, посуду, белье. У них не было чувства бездомности, которое так остро было у Бунина и других”.

Но было и nostalgia по березкам и полям, как у большинства российских эмигрантов. Можно сказать, что Мережковские с инстинктивно плавно вошли в парижскую жизнь. З.Н. активизировала свое публицистичку, продолжила свои хлесткие статьи на злободневные политические темы.

С 1925 года возобновились, как и было в Петербурге, литературные “воскресенья”, а с 1927 года — регулярные писательские, религиозно-философские заседания общества под названием “Зеленая лампа”.

З.Н. мало менялась и внешне (по-прежнему моложава и красивая), и внутренне (страсть к выделению над всеми). Осталось не изменным ее отношение к советской России, к большевизму, к “метафизическому злу”. Не случайно большевики вынашивали планы ликвидации Мережковского и Гиппиус, но не успели претворить их в жизнь, точнее, в смерть: супруги опередили коварных чехиков и умерли своей смертью.

Первым — Дмитрий Мережковский, 9 декабря 1941 года, в возрасте 76 лет. По поводу вдовы Юрий Терпиганов написал: “З.Н. — окаменела совсем”.

Зинаида Николаевна пережила Мережковского почти на 4 года. Конечно, тональность ее последних лет была иная. Юрий Терпиганов отмечает, что “в ней было много горечи и разочарования, она всячески старалась понять новый мир и нового человека, который в чем-то основан от нее ускользал”.

Несмотря на потерю и печаль, продолжала писать. Последняя ее лирика — это уже философская, уравновешенная и чуть горькая:

Освещена последняя сосна. Под нею томный краж пушится. Сейчас поганый и она. День конченный — не повторится. День кончился. Что было в нем? Не знаю, пролетел как птица. Он был обыкновенным днем, А все-таки не повторится.

Еще З.Н. задумала и начала биографическую книгу “Дмитрий Мережковский”. “Рассказать жизнь нашу по годам очень трудно, почти невозможно, да, может быть, и не нужно...”

Книга дописана не была. Подлирал возраст. Гиппиус шутиливо себя называла “бабушкой русского декадентства”.

В последние годы она притягивалась к Надеждой Тэффи. Тэффи вспоминает:

“Зинаида Гиппиус была когда-то хороша собой. Я этого времени уже не застала. Она была очень худая, почти бестелесная. Огромные, когда-то рыжие волосы были странно закручены и припнуты сеткой. Щеки накрашены в ярко-розовый цвет промокательной бумагой. Косые, зеленые, плохо видящие глаза.

Одевалась она очень странно... На шею натягивала розовую ленточку, за ухо перекидывала шарфик, на котором болтался у самой щеки мончок.

Зимой она носила какие-то душегрейки, пелеринки, несколько штук сразу, одна на другой. Когда ей предлагали папиросу, из этой груды монотных оберткок быстро, словно язык муравья, выплывала сухонкая ручка, цепко хватала ее и снова втягивалась”.

А самым последним другом З.Н. была кошка “Кощишка”, с тремя “ш”, — пишет Тэффи. “Она всегда сидела на коленях З.Н. и при виде гостей быстро шмыгала вон из комнаты. З.Н. привлекла к ней и, умирая, уже не открывая глаз, в полуосознании, все искала рукой, тут ли ее Кощишка”.

9 сентября 1945 года Зинаида Николаевна Гиппиус умерла, не дожив двух месяцев до 76 лет.

И только одно я знаю верное: Надо всякую чашу пить — до дна, —

написала она когда-то, в молодые годы. И точно: мужественно выпила чашу до дна.

Сердцу не прикажешь